

© 1993 г.

ВВ. СТУДЕНЦОВ

«ПРИВАТИЗАЦИЯ» ПО-АНГЛИЙСКИ: КАК ЭТО ДЕЛАЮТ НЕОКОНСЕРВАТОРЫ

СТУДЕНЦОВ Виктор Борисович — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник ИМЭМО РАН. В нашем журнале публикуется впервые.

Вопрос о собственности занимал и занимает одно из центральных мест в социальной теории консерватизма. «Ничто в консерватизме не может сравниться по важности с его трактовкой вопросов собственности, — писал в начале века один из лидеров британского торизма Х. Сесил. — С самого момента возникновения консерватизма в целях противодействия движению 1789 г. защита собственности стала одной из его важнейших задач» [1].

Принцип частной собственности остается для консерваторов незыблемым, поскольку полагается, что она является залогом как экономической эффективности, так и политического плюрализма и демократии. Не редкость утверждение, что «частная собственность представляет собой один из строительных кирпичей свободного, хорошо упорядоченного и хорошо управляемого общества» [2].

В то же время консерваторы не могут не видеть того обстоятельства, что частная собственность сама по себе, а также контрасты в имущественном положении могут служить фактором разъединения людей, источником социальных противоречий. Конечно, в первую очередь это относится к различиям в отношении к частной собственности имущего и не-или малоимущего классов.

Неудивительно, что консерваторы стремятся изыскать формы подключения рабочих к собственности, причем такие, которые бы серьезно не затрагивали имущественное положение собственников капитала. Именно на этом пути им видятся возможности придания привлекательности идеалам и ценностям капитализма. Основные надежды британских тори в этой области в последнее время связываются с концепцией «демократии собственников», которая развивается и в других странах под названиями «народный капитализм», «создание собственности у трудящихся», «участие трудящихся в собственности» и т.п.

Концепция «демократии собственников»: сущность и причины гальванизации

В первой половине 70-х годов консервативная идеология в Великобритании переживала глубокий кризис.

Представители двух основных течений в социальной философии современного британского консерватизма — «старые» и «новые» тори — по-разному оценивали причины кризиса консервативной идеологии¹. «Старые» тори считали, что потеря консерватизмом политической поддержки населения была связана с падением популярности идеалов и ценностей самого капитализма. «Нельзя утверждать, — писал в те годы один из видных

идеологов этого течения британского консерватизма П. Уокер, — что в последние годы капитализм был очень популярен в британском народе» [3]. В том же духе высказывался и другой приверженец «старого» или патерналистского консерватизма, бывший премьер-министр Э.Хит, заявлявший, что «вряд ли можно говорить о том, что частное предпринимательство пользуется положительной и полной энтузиазма поддержкой большинства британского народа» [4]. Выход из этой ситуации идеологи «старого» торизма искали на путях «улучшения» и «гуманизации» капитализма, причем упрочение капитализма и расширение социальной базы консерватизма мыслились с помощью политики «классового мира», гибкой подстройки ее к меняющимся настроениям и представлениям масс.

Иначе расценивали ситуацию заявившие о себе в полный голос во второй половине 70-х «новые» консерваторы. Они обнаружили разочарование не в капиталистических ценностях, а в механизмах и институтах функционирования британского общества, что трактовалось ими как проявление неприятия массами реформаторской деятельности предшествовавших лейбористских и консервативных правительств. Последняя якобы усиливала «коллективистские» начала, что, в их интерпретации, было тождественно скатыванию на позиции «социализма».

По своей сути позиция «новых» консерваторов является более активной и наступательной, нежели та, которую занимают «старые» тори. Ими ставится цель «не только защищать капитализм, но и усилить его» [5]. Особая роль в достижении этой цели в последнее время отводится комплексу мероприятий по поощрению «народного капитализма» [6]. Именно концепция «народного капитализма» или того, что в Великобритании более известно как концепция «демократии собственников», по мнению одного из ведущих ее идеологов Д. Хауэлла, «сейчас начинает приобретать центральное место в консервативном "ответе" послевоенному социалистическому порядку» [7].

Концепция «демократии собственников» или «демократии владельцев собственности» вошла в арсенал социальной философии консерваторов еще в 20-е годы. Ее авторство обычно приписывается А. Идену. Сам он также утверждал, что, изложив существо концепции «демократии собственников» в одной из своих речей в ноябре 1929 г., он якобы оказался первым, кто выступил с ней в Великобритании с позиций консервативной идеологии. «Цель консервативного движения, — заявил он тогда, — должна заключаться в максимально, широком распространении частной собственности, чтобы дать возможность каждому рабочему стать капиталистом» [8].

Приоритет Идена, однако, оспаривается. Британский политолог У. Гринлиф считает автором концепции «демократии собственников» куда менее известного консерватора Н. Скелтона, который будто бы сформулировал ее в 1924 г. [9]. Действительно, приоритет Скелтона признавался рядом консерваторов еще в 20-е годы [10]. Правда, некоторые тори считают, что сущность концепции «демократии собственников» еще в XIX в. была сформулирована Т. Карлейлем [11]. Основанием для подобных суждений служит всего одна, хотя и весьма многозначительная фраза в работе «Теперь и прежде», впервые увидевшей свет в 1843 г.: «... не найдет ли наш Хозяин-Работник при каком-нибудь будущем, может быть недалеко отстоящем положении этого "Рыцарства труда", возможным и необходимым обеспечить за своими работниками постоянное участие в его и их предприятии? Так, чтобы оно сделалось по своим практическим последствиям тем, что оно по существу дела и по справедливости всегда и есть, т.е. совместным предприятием, в котором все, начиная с Главного Хозяина и кончая последним Надсмотрщиком и Рабочим, были бы заинтересованы экономически столько же, сколько и юридически?» [12].

Кто бы ни был автором концепции «демократии собственников» в его консервативном варианте, именно Иден, занимавший в 1955—1957 гг. пост премьер-министра и вошедший * историю наряду с Г. Макмилланом, Р. Батлером и другими в качестве одного из лидеров «прогрессивного» торизма 50-х годов, долгое время оставался одним из наиболее влиятельных и известных ее пропагандистов. «Нашей целью, — провозглашал он в 1946 г., — является демократия собственников в общенациональном масштабе... распределение собственности среди возможно большего числа индивидуумов» [13]. «Индивидуальной капитализм», т.е. капитализм, в котором к владению капиталом было бы подключено возможно большее число

индивидов, возводился им в ранг фундаментального принципа социальной философии консерватизма.

Тори всегда были не прочь при случае подчеркнуть, что консервативный «идеал — не пауперизованный пролетариат, зависящий от государства (т.е. от конфискованного имущества других людей), а демократия собственников» [14]. Тем не менее эта концепция долгие годы оставалась на периферии социальной философии британского консерватизма. О ней вспоминали в основном в периоды обострения идеологической и политической борьбы, выдвигая в качестве противовеса радикальным требованиям народных масс [15]. Большинство консерваторов, однако, отказывало ей в поддержке, полагая, что немедленная ее реализация потребовала бы еще большей «конфискации имущества других людей», чем содержание пауперизованного пролетариата. Лишь в 20-е годы некоторые, как сами они себя аттестовали, «левые консерваторы» ратовали за «пропорциональное экономическое равенство всех граждан», имея в виду перераспределение части богатства от имущих к неимущим [16].

И все же за весьма редкими исключениями консервативные идеологи никогда не предполагали расширять число собственников путем перераспределения собственности между классами труда и капитала. Так, в свое время Идеи специально подчеркнул, что расширение числа собственников ни при каких условиях не должно достигаться путем перераспределения существующего дохода и капитала.

Конечная цель практической реализации концепции «демократии собственников» состоит в «смыкании», «стыковке» интересов капиталиста и рабочего, преодолении извечного страха буржуазии перед «преобладанием в обществе обездоленного и политически неопытного большинства, которое может использовать свою силу для того, чтобы просто обобрать богатых...» [17]. Правда, в 70-е годы среди консерваторов распространились надежды на автоматическое достижение «классового согласия», основанные на представлении о том, что в Великобритании, как и в других развитых капиталистических странах, происходит дестирание социальных граней и классовых различий. Особенно усердствовали в пропаганде этих воззрений «новые» тори, утверждавшие, что конфликт между трудом и капиталом уходит в прошлое, что раскол на «две нации» — богатых и бедных — якобы почти преодолен, и Британия вплотную подошла к «одноклассовому или бесклассовому обществу» [18]. Формальными аргументами для подобного умозаключения² послужили, с одной стороны, известный рост уровня жизни трудящихся, с другой, социальные сдвиги в профессиональной структуре трудящихся масс. Особые надежды «новых» тори стали связываться с ростом числа и повышением удельного веса «белых воротничков», «чьи интересы могут быть отвлечены от старой классовой борьбы и направлены в русло рабочего капитализма и рабочей собственности» [19]. В росте числа «белых воротничков» «новые» консерваторы, равно как и некоторые реформистски настроенные, идеологи, обнаружили появление «новой мелкой буржуазии», чей социальной статус определяется якобы привилегированной ролью этих работников в системе общественного разделения труда. На основе этого утверждается, что «под термином "рабочий класс" начинает пониматься любая» [20], и что «все классы начинают объединяться на буржуазной почве» [21].

Гальванизация концепции «демократии собственников» в 80-е годы неслучайна. «Вера в широкое распространение индивидуальной частной собственности» еще в середине 70-х признавалась М. Тэтчер одной из составных частей кредо социальной философии британского консерватизма, приверженности буржуазным идеалам и ценностям или, как любят говорить консерваторы, идеалам и ценностям «среднего класса» [22]. Однако немногие тори были согласны с Д. Хауэллом в том, что «демократия собственников капитала не только возможна, но и необходима». Лишь негативные социальные последствия осуществляемой в 80-е годы прорышочной экономической политики заставили вновь и уже не в теории, а на практике обратиться к этой концепции. Заимствуя у лейбористов фразеологию, отдельные консерваторы, как, например, П. Хордерн, заговорили о необходимости «фундаментального и необратимого сдвига в ресурсах в пользу рабочего». «Если мы хотим сохранить рыночную систему, — признается Хордерн, — то совершенно необходимо, чтобы рабочий имел право включиться в нее, а не трактоваться в качестве фактора рыночного уравнения» [23]. Более

полное интегрирование рабочего в капиталистическую систему ему и его единомышленникам видится именно в превращении рабочего в собственника³.

Консерваторам представляется и небезосновательно, что обладание даже незначительной собственностью оказывает социально-дисциплинирующее воздействие, накладывает на психологию, мировоззрение и поведение ее владельца неизгладимый отпечаток [24]. «Она (собственность. — В.С.), — разъясняют данный тезис П. Нортон и А. Огхи, — просвещает граждан в смысле ценности стабильности и показывает, что безопасность мелкой собственности зависит от сохранности всякой собственности. Или, перефразируя Дизраэли, она помогает показать, что безопасность замка гарантирует владение коттеджем» [25]. Тэтчер утверждала, что «собственность способствует распространению в обществе чувства ответственности», понимая под этим то, что она «цементирует» интересы различных социальных слоев и групп. Обладающий собственностью «уважает» право других владеть собственностью. «Чем более раздроблена, рассеяна и широко распространена собственность в нашем обществе, — пишет Д. Хауэлл, — тем больше чувство общей цели и сильнее желание сотрудничества. Чем более рассеяна власть, тем прочнее единство» [26].

Идеологи «демократии собственников» не делают секрета из того, что цель этой концепции и практических мероприятий по воплощению ее в жизнь прежде всего состоит в укреплении позиции собственников капитала. Полагается, что чем большее число людей станут владельцами капитала, тем значительнее будут препятствия на пути перераспределения как самого капитала, так и доходов от него в пользу тех, кто не является его собственником. «Демократизация собственности», по мнению ее идеологов, создает социально-политический климат, в котором обеспечивается поддержка частной собственности и создаются ограничения сосредоточению экономической и политической власти в руках государства. Кроме того, она ликвидирует отношения подчинения между рабочим и капиталистом, обеспечивает «общность», «единство» их интересов.

В условиях сложившейся «демократии собственников», считают ее идеологи, должна измениться социальная ориентация государственной политики. При капитализме, основанном на широкой диффузии капитала и дохода с капитала, в трактовке консерваторов, исчезнет императив обеспечения масс работой.

Концепция «полной занятости», окончательно оформившаяся после второй мировой войны, подводила теоретический фундамент под усилия государства по обеспечению основной массы населения работой⁴. В основе ее лежит осознание того обстоятельства, что капитализм неспособен существовать в условиях крупномасштабной безработицы, грозящей массовой пауперизацией. В социальном плане концепция «полной занятости» обосновывалась тем, что она гарантирует массам средства существования, а потому придает капитализму известную социальную стабильность.

До 80-х практически все, как консервативные, так и лейбористские правительства строили свою политику в социально-экономической области со стратегическим прицелом на поддержание «полной занятости». Ее осуществление предполагало «диалог» и взаимные обязательства со стороны профсоюзов и бизнеса под эгидой правительства. Поддержание «диалога», «наведение мостов» между капиталистами и рабочими не ликвидировали, а лишь несколько притупляли их взаимоконфликт.

Социальный императив поддержания «полной занятости» теоретиками «демократии собственников» признается в будущем излишним. Основания для этого они видят в том, что при широком распространении собственности на капитал у большинства членов общества появляется дополнительный источник существования в виде доходов с капитала. Таким образом, чем в больших масштабах массы будут владеть капиталом, тем большая часть их дохода будет складываться не только из заработной платы, но и доходов с капитала и, следовательно, нужда в поддержании «полной занятости» уйдет в прошлое⁵.

Идеологи «демократии собственников» призывают реформировать не только экономическую, но и идейно-политическую стратегию правящего класса.

В идейном плане политике «полной занятости» соответствовала концепция «среднего пути». «Средний путь» понимался как отказ от следования крайностям в идеологии и поли-

тике, балансирование между полюсами. В области идеологии он выражал неприятие как идеологии крайнего индивидуализма, либерализма в том смысле, в каком это понятие употребляется в британском философско-политическом лексиконе, так и «коллективизма». Политическим измерением концепции «среднего» пути была ориентация консервативных политиков на выбор «серединной» позиции, поддержание «равновесия» между буржуазией и рабочим классом, сведение воедино их интересов.

«Новые» же тори считают, что «средний путь» в действительности не отвечал интересам ни буржуа, ни рабочих. Кроме того, по их мнению, в попытках обретения опоры в «середине» общества консервативные политики фактически предали забвению интересы слоя, формирующего подлинную «сердцевину» общества, — мелкой буржуазии. Отказ от «мировой» с рабочими, от «среднего пути» обосновывается тем, что, как пишет Д. Хауэлл, он бесцелен, поскольку «рабочие во все возрастающих масштабах владеют капиталом, рабочие являются инвесторами» [27]. На месте серединного ядра общества складывается «демократия собственников».

Однако у «новых» тори достаёт трезвости признать, что подобные воззрения выдают желаемое за действительное. Иначе бы ими не ставилась задача насаждения «демократии собственников», которая призвана расширить «серединные» слои за счет роста числа и укрепления позиций мелкой буржуазии, во-первых, и путем «обуржуазивания» рабочих, во-вторых.

Кампания распространения «демократии собственников» в 80-е годы: декларации и результаты

«Цель нашего поколения, как я ее понимаю, — провозгласил еще в 1975 г. один из ведущих идеологов "новых" тори тех лет К. Джозеф, — состоит в обуржуазивании», «... в том, чтобы воссоздать условия, которые снова откроют дорогу победному маршу обуржуазивания, что столь далеко зашло в викторианские времена...» [28].

Никаких конкретных планов в этом отношении, однако, долгое время не строилось. Исключение составляет лишь опубликованный в 1973 г. группой «Боу» проект привлечения работников к участию в собственности. По нему предполагалось создание компаниями специальных фондов, управление которыми должны были осуществлять избранные работниками доверенные лица. Средства фондов формировались бы за счет отчислений от доходов, равных по сумме выплаченным дивидендам, а также «той части согласованного увеличения заработной платы, которая вследствие существования какой-либо национальной нормы не может быть выплачена». Расходовать же они должны были на покупку работниками «растущей доли» акций в «своих» компаниях. Работник, меняющий место работы, по проекту наделялся правом востребовать причитающуюся ему часть фонда. Правда, вложенные в расчете на работника за последние пять лет средства, за исключением ситуаций материальных затруднений и ухода на пенсию, изъятию не подлежали.

И все-таки консерваторы пришли в 1979 г. к власти без каких-либо четких намерений, о чем убедительно говорит и то обстоятельство, что до середины 80-х годов кампания «обуржуазивания» не приобретала большего размаха. Лозунг превращения Британии в «демократию собственников» стал одним из центральных, если не центральным, в социальной философии новых тори лишь с середины 80-х⁶. Курс на нее был взят только тогда, когда все явственнее стали проявлять себя отрицательные социальные последствия макроэкономической политики.

Развернув в 80-е кампанию по насаждению «демократии собственников», «новые» тори вдруг предстали в роли ревнителей бесклассового общества. Тэтчер заговорила о том, что она «изо всех сил стремится создать единую нацию, где каждый был бы собственником или имел бы возможность стать собственником» [29]. Конечная цель «демократии собственников», по ее мнению, состоит в том, чтобы «полностью ликвидировать классовые различия» [30]. Ей вторят другие лидеры «новых» консерваторов. Н. Лоусон, например, всерьез говорит о том, что они «пытаются добиться не меньшего, чем трансформировать природу общества...» [31]. «Старый антагонизм между рядовыми работниками и управляющими, система враждующих классов, — утверждал Н. Теббит, занимавший в 1985—1987 гг.

пост председателя консервативной партии, — доставляет удовольствие только левым классовым воителям» [32]. Он даже провозгласил наступление новой «социальной революции», отличие которой от прежних видит в том, что последняя не сопровождается перераспределением собственности и не подрывает стимулы создания богатства, а напротив усиливает их [33].

Кампания «демократизации собственности» имеет два измерения: первое — поощрение мелкой буржуазии, и второе — «обуржуазивайте» рабочих.

Мелкая буржуазия, мелкие самостоятельные хозяева рассматриваются как «естественные союзники» консерватизма. «Если консервативная революция имеет пехоту, то ею являются самостоятельно занятые», — пишет Д. Хауэлл [34]. Другой, ныне усопший идеолог британского «нового» консерватизма, Б. Брейсуэлл-Милнс также заявлял, что они представляют собой «оплот поддержки капитализма и рыночной экономики» [35]. Говоря об «оплоте» консерватизма, тори, конечно, имеют в виду не просто самостоятельно занятых, а тех, кого Тэтчер как-то назвала «самостоятельно занятыми собственниками мелких предприятий» [36].

Мелкий буржуа привлекает к себе острый интерес «новых» консерваторов потому, что «самостоятельная занятость представляет собой окончательное решение марксистского классового конфликта, поскольку работодатель и рабочий здесь совмещены в одном лице» [37]. Если говорить об отдельном индивиде, то, действительно, превращение его в мелкого буржуа снимает классовый конфликт. Расчеты на превращение современного капитализма в этакое «царство мелкого собственника», общество «самостоятельно занятых» не строят и сами «новые» консерваторы. Тем не менее, их приход к власти ознаменовался «поворотом лицом» к мелкому предпринимателю. «Мы поддерживаем мелких предпринимателей, — говорила М. Тэтчер, — потому, что они олицетворяют свободу и независимость. Они составляют корни свободного общества... Чем свободнее общество, тем больше число мелких предпринимателей. И чем больше мелких предпринимателей, тем более свободно и деятельно данное общество» [38].

В социальном плане куда более значительными, чем поощрение самозанятости и мелкой буржуазии, являются попытки «обуржуазивания» наемных тружеников. Эти попытки за свой короткий век уже успели претерпеть определенную эволюцию.

В первые годы кампании «демократизации собственности» это «обуржуазивание», как и в прошлом, отождествлялось с расширением числа индивидуальных домовладельцев [39]. Еще вскоре после первой мировой войны, проводя в парламенте законопроект о расширении строительства дешевых домов для рабочих, премьер-министр Д. Ллойд-Джордж, принадлежавший, впрочем, к либеральной, а не консервативной партии, утверждал, что принятие подобного закона «припрет большевиков к стенке», заглушит классовую борьбу.

Между тем, противоположность между интересами рабочего класса и класса капиталистов порождается противоположностью в их отношении не к собственности вообще и не к частной собственности, а к капиталу. Вот почему, когда в середине 80-х кампания по расширению «демократии домовладельцев» стала «выдыхаться», новые консерваторы перенесли акцент на активизацию «демократии собственников акций».

Современный консерватор К. Карлайл почти дословно повторил слова Ллойд-Джорджа, написав, что «политика, которая поставит целью распространение собственности на акции столь же решительно, сколько мы стремимся расширить собственность на дома, покажет, что марксистский взгляд (на классы и эксплуатацию.— В.С.) устарел» [40]. Со временем и Тэтчер стала говорить, что ее «идеал — демократия собственников капитала, где каждый — капиталист и каждый — собственник» [41]. В 1986 г. Н. Лоусон провозгласил долгосрочной целью нынешнего кабинета «превращение Британии в нацию собственников акций; создание народного капитализма...» [42].

Практические усилия консерваторов принесли определенные плоды. С 1979 по 1988 гг. число самостоятельно занятых выросло с 1,9 до 3,0 млн. человек. Однако этот рост числа самостоятельных хозяев или самозанятых лишь с, оговорками может рассматриваться в качестве свидетельства успеха кампании обуржуазивания. Многие из них — вчерашние безработные, которые пытаются обеспечить себе существование мелкой торговлей,

ремесленничеством и т.п. Их экономическое положение в целом ряде случаев даже хуже, чем у рабочих, а кроме того, крайне неустойчиво.

Более значимы успехи консерваторов в поощрении частного владения жильем. Распродажа в индивидуальную собственность свыше 1,5 млн. муниципальных домов и квартир привела к росту числа домовладельцев. В 1987 г. 62,9% домов принадлежали тем, кто в них проживал, против 55,3% в 1979 г.⁷ Приватизация муниципального жилья, возможно, была велением времени. Недаром, ее со временем стали поддерживать лейбористы, в целом отвергающие социально-экономический курс «новых» консерваторов. В ней не было бы ничего предосудительного, если бы она не сопровождалась сокращением нового муниципального строительства, т.е. свертыванием и без того куцых государственных программ по обеспечению жильем наименее имущей части общества.

В несколько раз — с 7% взрослого населения в 1979 г. до 21% в 1989 г. — увеличилось число акционеров. Правда, большей части новых держателей акций принадлежит весьма незначительная доля акционерного капитала. Рост этой новоявленной «армии капиталистов», как окрестил их один из «новых» тори — Дж. Моор [43], был в решающей степени предопределен кампанией по распродаже национализированного имущества⁸. Акциями приватизированных компаний владеют 13% взрослого населения, или 6 млн. человек, причем 5% никаких других акций не имеет. Держателями акций являются преимущественно лица, не работающие на приватизированных предприятиях. Между тем, как замечает один из наиболее активных британских сторонников концепции «народного капитализма» Р. Оэшотт, она подразумевает не просто расширение числа собственников акций, а рост акционерной собственности тружеников именно в тех предприятиях, на которых они заняты [44]. Как раз с этим дела обстоят значительно хуже. Хотя около 90% работников денационализированных компаний приобрели (или бесплатно получили)⁹ акции «своих» предприятий, приходящаяся на них доля капитала этих фирм невелика.

Правда, подключение рабочих к владению капиталом идет не только по линии наделения или продажи им акций денационализированных компаний, но и распространения акций компаниями частного сектора среди «своих» работников. В последнее время акции превратились в одну из наиболее популярных форм премирования, дополнив или заменив денежные выплаты. Активно поощряется участие в собственности (акциях) и со стороны правительства.

Впервые специальные планы содействия распространению компаниями акций среди «своих» работников были санкционированы в 1978 г. тогда еще правительством лейбористов. Эти планы базировались на участие работников в прибылях. Их важнейшей отличительной чертой была открытость для всех работников компании с пятилетним стажем работы и 25-часовой рабочей неделей. Все участники такой программы должны были получать акции на равных основаниях: либо в зависимости от размера заработка (стажа), либо поровну. Первоначально предпринимателям разрешалось ежегодно отчислять на покупку работником акций освобождаемую от налога прибыль на сумму до 500 ф. ст. Акции должны заноситься на специально создаваемые счета и удерживаться доверителями без права продажи в течение 5 лет. В случае удержания акций в течение 10 лет вложенная в них сумма не подлежала обложению подоходным налогом. В принципе работник должен уплачивать налог на прирост капитала на сумму увеличения стоимости акций с момента приобретения до момента продажи или с момента передачи компанией в доверительный фонд до передачи его работнику. Однако скидка по этому налогу, которая в 1987/1988 финансовом году, например, составляла 6,3 тыс. ф. ст., для большинства работников означала полное освобождение от налога.

Освобождаемая от налога сумма прибыли, на которую, могли быть выделены акции, была увеличена консерваторами в 1980 г. до 1 тыс. ф.ст., в 1982 г. до 1 250 ф. ст., с 1983 г. в качестве альтернативы максимальной суммы был положен предел в 10% зарплаток работников, но не свыше 5 тыс. ф. ст. Наконец, в 1989 г. верхний предел стоимости распределяемых среди работников в рамках подобных программ акций был повышен до 2 тыс. ф. ст. или 10% заработка, но в пределах 6 тыс. ф. ст. Срок, после которого акции могли быть

проданы в 1980 г. был сокращен с 2 до 5 лет, а срок после которого их продажа не облагалась налогом, уменьшился с 10 лет в 1978 г. до 7 лет в 1980 г. и 5 лет в 1985 г.

С 1980 г. консервативное правительство разрешило компаниям организовывать участие в собственности в форме опционов на основе операций работников по сбережению из заработка у источника. Работники заключают с государственной сберкассой или строительным обществом обычный договор об осуществлении сбережений, которые, будучи зачислены на специальный счет, по истечении определенного срока могут быть использованы либо на покупку акций компании, либо востребованы наличными. По истечении 5 лет работник получает право покупать акции по фиксированной цене, но не ниже 90% курсовой (рыночной) стоимости в момент заключения договора об опционе. Сберегаемые суммы не облагаются налогом при условии соблюдения 5-летнего срока их удержания. Приобретаемые посредством таких программ акции налогом на прирост капитала не облагаются. В 1980 г. ежемесячные взносы по программам опционов на базе сбережений были установлены в размере 10—100 ф. ст., в 1989 г. максимальный предел был повышен до 150 ф. ст.

С 1984 г. опционы на покупку акций было разрешено выдавать не всем, а части работников компании, что было сделано в расчете на преимущественное их распространение прежде всего среди менеджеров. Пакет акций менеджера не должен превышать 100 тыс. ф. ст. или четырехкратный размер месячной зарплаты (в зависимости от того, что больше) и должен удерживаться не менее 3 лет. Подобные программы в отличие от предшествующих пользуются большей популярностью среди бизнеса — на начало 1990 г. налоговыми органами было официально зарегистрировано 4 326 подобных планов против 891 планов опционов на базе сбережений и 890 одобренных планов участия в собственности на базе участия в прибылях.

В 1986 г. был сделан очередной шаг в деле поощрения владения акциями в форме создания так называемых «планов личной акционерной собственности». Суммы, вложенные в акции и переданные на специальные счета, а также полученные на эти акции и реинвестированные дивиденды освобождаются от подоходного налога (до апреля 1989 г. устанавливался минимальный срок удержания в год). Не облагаются они и налогом на прирост стоимости. Ежемесячные вложения по этой программе могли составить в 1987 г. 200 ф. ст. в месяц, то есть 2 400 ф. ст. в год. С 1988 г. максимальный размер этой суммы был повышен до 3 тыс. ф. ст., с 1989 г. — 4,8 тыс. ф. ст., а с 1990 г. — 6 тыс. ф. ст. Уже в 1987 г. было создано 266 тыс. таких планов с вложениями на сумму в 466 млн. ф. ст.

В последнее время взоры политиков и бизнеса обращены к программам участия работников в акционерной собственности (ПУРАСам). За них сейчас выступают деятели широкого политического спектра — консерваторы, например, Н. Теббит, лейбористы, скажем, Б. Гулд, социал-либералы. В 1986 г. лейбористская конференция включила пункт о ПУРАСах в текст резолюции об «общественной собственности». Идея переноса американской практики ПУРАСов на британскую почву находит поддержку у Института директоров и ряда других предпринимательских организаций.

К середине 1989 г. в Великобритании в ПУРАСах насчитывалось только 10 тыс. членов. Введение в бюджете 1989-г. налоговых льгот привело к существенному росту их выгоды для компаний, а потому и членства в них. Раньше освобождение от налога взносов компаний в доверительные фонды на выплату процента и займы могло основываться только на прецедентном праве. Теперь при соблюдении компаниями определенных условий оно стало автоматическим. К таким условиям относятся соблюдение доверительным фондом предписанных характера, целей и операций, в частности, обязательства передать акции всем занятым на одинаковых условиях и в течение 7 лет с момента покупки ими у компании.

Концепция и политика «демократии собственников» фактически состоит в ликвидации определенных моментов отчуждения работников от собственности, ликвидации отчужденности по отношению к средствам производства. Превращение работника в сохозяина средств производства меняет его психологию, отношение к условиям, процессу и результатам труда.

Опыт развитых стран Запада показывает, что там, где существует практика «соучастия в собственности», повышаются взаимная требовательность рядовых работников, дисциплина, производительность труда, быстрее прививается новая техника, более массовый характер носит рационализаторская деятельность.

Прямое участие рабочих в собственности предприятий, на которых они трудятся, а также превращение нанимателей в домовладельцев меняет их психологический настрой, но не означает обуржуазивания, полного слияния их интересов с интересами правящего класса. Более того, долговременные последствия такой политики могут оказаться отличными от тех, каким они сегодня видятся консерваторами: вместо «состыковки» интересов труда и капитала «подпущение» рабочих к владению акциями таит для буржуазии опасность в том, что переносит классовый конфликт непосредственно в сферу отношений на предприятии. Если владение акциями со стороны рабочих «привьется», на повестке дня неизбежно все более властно будет вставать вопрос о большем участии с их стороны в производстве и распределении доходов.

Можно по-разному относиться к концепции и практике «насаждения» «демократии собственников» или «народного капитализма»¹⁰. Однако нельзя отрицать, что они достигают, результатов, в том числе и позитивных для работников и широких масс населения.

Вообще говоря, во многих мероприятиях консерваторов, в частности, в поощрении прямого участия трудящихся в собственности «своих» предприятий, ничего специфически «буржуазного» нет. Будучи осуществлено последовательно, масштабно и, что немаловажно, демократично, такое участие может стать действенным инструментом прямого подключения рабочих к процессам управления, обеспечения рабочего контроля над производством. Недаром, идея «рабочих акций» сейчас все шире завоевывает себе признание. Лейбористская партия и Британский конгресс тред-юнионов противопоставили ее консервативной концепции «демократии собственников», сделали одним из краеугольных камней новой концепции «общей (social) собственности»¹¹.

Какие бы цели кампания «демократизации собственности» ни преследовала, ее позитивные результаты для довольно широких слоев налицо. Не противоречит этому выводу даже наблюдавшийся в 80-е годы рост концентрации богатства. Безусловно, от кампании «демократизации собственности» выгадали далеко не все и не в равной степени. Однако миллионы британцев в 80-х стали собственниками жилья и акций, причем на льготных условиях. Насколько феномен роста числа индивидуальных собственников акций, в том числе и рабочих, окажется устойчив, остается под вопросом. Увеличению их числа способствовала высокая конъюнктура на рынке ценных бумаг и государственные льготы. Сохранится ли благоприятная финансовая конъюнктура и продлится ли существование стимулирующих вложения в акции налоговых льгот, целесообразность которых сейчас нередко ставится под сомнение, неизвестно. Тенденция к «демократизации собственности» тем не менее, по-видимому, сохранится и в отсутствие того и другого, причиной чему общее увеличение богатства общества и изменение характера рабочей силы и процесса труда, однако рассмотрение этих вопросов представляют собой самостоятельный предмет. Вне всякого сомнения продолжит свое существование и концепция «демократии собственников».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Cecil H.* Conservatism. London, 1912. P. 118.
2. *Norton P., Aughey A.* Conservatives and Conservatism. London, 1981. P. 35.
3. *Walker P.* The ascent of Britain. London, 1977. P. 80.
4. *Russel T.* The Tory party. Its policies, divisions and future. Harmondsworth, 1978. P. 24.
5. Ibid.
6. *Boyson R.* Centre forward. A radical Conservative programme. London, 1978. P. 90.
7. *Howell D.* Property-owning democracy: prospects and policies // Policy studies. London, 1984. Jn. P. 14.
8. Ibid.
9. *Greenleaf WM.* The British political traditions. V. II. The ideological heritage. London, 1983. P. 248.
10. *Boothby R., de V. Loder J., Macmillan H., Stanley O.* Industry and the state. A Conservative view. London, 1927. P. 13.

11. O'Sullivan N. Conservatism. London, 1976. P. 95; Gilmour I. Britain can work. Oxford, 1984. P. 214.
12. Карлейль Т. Теперь и прежде М., 1906. С. 401—402.
13. Eden A. A nation-wide property-owning democracy // The new conservatism. An anthology of post-war thought. London, 1955. P. 76.
14. Hearnshaw F.J.C. Conservatism in England: an analytical, historical and political survey. London, 1933. P. 304.
15. Harris N. Beliefs in society. The problem of ideology. London, 1968. P. 124.
16. Baldwin O., Chance R. Conservatism and wealth. A radical indictment. London, 1929. P. 42.
17. Quintan A. The politics of imperfection. London, 1978. P. 86.
18. Howell D. Freedom and capital: prospects for the property-owning democracy. Oxford, 1981. P. 12.
19. Howell D. Property-owning democracy: prospects and policies // Policy studies. 1984. Jn. P. 18.
20. Howell D. The next ten steps: a «liberal» Conservative view // Economic affairs. London, 1984, Jn. P. 35.
21. Howell D. The Conservative revolution: keeping up the momentum // The political quarterly. London, 1983. Oc-Dc. P. 341.
22. Daily Telegraph. 1975. Jn. 30.
23. Howell D. Freedom and capital: prospects for the property-owning democracy. Oxford, 1981, P. 56.
24. Times. 1982. Ag. 4.
25. Norton P., Aughey A. Conservatives and Conservatism. London, 1981. P. 56.
26. Howell D. Energy policy in the mixed economy // The mixed economy / Lord Roll of Ipsden (ed.). London, 1982. Op. 173.
27. Times. 1981. Sp. П.
28. Joseph K. Reversing the trend — a critical reappraisal of Conservative economic and social policies. Chichester, ^f 1975. P. 55, 57.
29. Sunday Times. 1983. Fb. 27.
30. Times. 1985. May 6.
31. Financial Times. 1985. Jn. 12.
32. Times. 1985. Oc. 9.
33. Financial Times. 1987. Oc. 22.
34. Howell D. The conservative revolution: keeping up the momentum // The political quarterly. London, 1983. Oc.-Dc. P. 341.
35. Bracewell-Milnes B. Every man his own employer // Director. London, 1983. Jn. P. 39.
36. Arnold B. Margaret Thatcher, a study in power. London, 1984. P. 142,
37. Bracewell-Milnes B. Op. cit. P. 39.
38. Politics today. London, 1985. Sp. 23. P. 300.
39. Lavson N. The new Conservatism. London, 1980. P. 7.
40. Carlisle K. Sharing the profits: a popular future for capitalism. London, 1980. P. 10.
41. Observer. 1983. May 8.
42. Morning star. 1986. Mr. 19.
43. Financial Times. 1985. Jl. 10. 44. Financial Times. 1987. Nv. 3.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Подробнее см: Студенцов В.В. Два течения в социальной философии консерватизма // Вопр. философии. 1985.1*2.

² Подобные заявления делались и три десятилетия назад. Еще в 1962 г. консервативный премьер Г. Макмиллан утверждал, что «теперь мы стали единой нацией» и что «война классов ... мертва или почти мертва» (Times. 1962. Jn. 27.) .

³ Правда, консерватор патерналистского толка И. Гилмур считает, что каждый трудящийся уже фактически является собственником. Он пишет, что концепция «демократии собственников содержит в себе признание того, что рабочая сила есть форма собственности» (Gilmour I. Britain can work. Oxford, 1984. P. 214). При такой постановке вопроса «демократия собственников» — уже давно свершившийся факт, а рабочий и капиталист отличаются лишь тем, что являются собственниками различных элементов общественного богатства. Нет нужды доказывать, сколь натянуто и некорректно приравнивание трудящегося к собственникам лишь на том основании, что он обладает способностью и навыками к труду.

⁴ Социально-философская идея «полной» или всеобщей занятости восходит еще к Б. Мандевилю и Т. Мальтусу (см., например; Субботин А.Л. Мандевилль М.: Прогресс, 1986. С. 70,72—73, 83).

⁵Расписывание подобных идиллических картин будущего, где безработица лишена каких бы то ни было отрицательных социальных последствий, не избавляет «новых» тори от необходимости осуществлять в настоящем определенные мероприятия по ее ликвидации и предотвращению.

⁶«Старые» тори или патерналисты, расходясь с «новыми» или «либеральными» консерваторами во многих аспектах социальной философии, полностью солидарны с ними в вопросе о необходимости и желательности поощрения «демократии собственников». См.: Pym F. The politics of consent. London, 1984. P. 13; Patten C The Tory case London, 1984. P. 122,231.

⁷Для сравнения — в 1911 г. менее 10% семей имели собственные дома.

⁸В последние годы консерваторы активно пропагандируют тезис, что распродажа акций приватизированных государственных предприятий их работниками есть формирование «подлинной общественной собственности». См., например: *Conservative Manifesto 1983*. London, 1983. P. 16.

⁹Тем самым нарушается принцип, согласно которому «демократия собственников» не должна поощряться за счет перераспределения уже существующего, имущества. Но нарушается он исключительно потому, что дело касается государственной собственности.

¹⁰См. их критику: *Файн Е.* Может ли быть «народным» капитализм? // *Проблемы мира и социализма*. 1988. NJ2.

¹¹«Задача (пропаганды системы "рабочих акций". В.С.), утверждает один из лейбористов Б. Гулд, — состоит в том, чтобы дать этой в прочих отношениях прилипчивой капиталистической концепции ... иное, социалистическое содержание» (*Morning Star*, 1987. Nv. 17.).